

ВСЕЛЕННАЯ ПАДШИХ АНГЕЛОВ

Пролог

Я неспешно брел по бесконечному коридору, освещенному только мерцанием зеркал, и недовольно хмурился.

Скучно. До чего же скучно и одиноко... Хочется встретить действительно ДОСТОЙНОГО противника. Того, с кем можно ощутить давным-давно позабытый азарт борьбы, почувствовать возбуждение схватки, вспомнить, что же это такое – волнение и страх.

Однако приходится лишь уныло наблюдать со стороны... и злиться, когда очередная жертва добровольно сдается.

Что ж... **Я** не отказываюсь. **Я** БЕРУ. И весь калейдоскоп цветных воспоминаний тянется ко **мне**, **я** забираю все без остатка – чтобы идти дальше, на поиски новой жертвы... с затаенной надеждой, что в следующий раз встретится соперник, победить которого не сумею. Пусть **я** и останусь ни с чем, зато у **меня** сохранятся **мои собственные**, а не чужие, воспоминания. А так – что вспоминать? Скучно...

Я остановился у очередного мерцающего зеркала и заглянул в недра чужой души, в отголосок какого-то воспоминания. Там, за гранью серебристой поверхности, на просторной кровати спал молодой темноволосый мужчина, а юная прелестная девушка ласково гладила его по волосам.

Рискнуть? Показать? Может быть, даже немного подзадорить, растормошить? Конечно, против правил, хотя кто мне может указывать? **Я** – сам по себе, и правила придуманы **мною** же. А вдруг выйдет что-нибудь путное?

Да, нелегко быть Смертью. **Я** вздохнул и ступил за грань зеркала.

1.

...Кажется, что нет земли – только прозрачные холодноватые небеса, и еще – скалы. Снежные вершины мерцают в солнечных лучах, а из искрящейся дымки облаков выныривают Ангелы – крылатые женоподобные юноши и изящные девы...

...Она была красива, хотя прелесть ее показалась бы несколько непривычной для нашего, человеческого, взгляда...

Изумительное, ничем не прикрытое тело, идеальных пропорций и форм... Мерцающая оливковая кожа... Серебристые, будто припорошенные снегом кудри до середины спины... Выразительные малахитовые глаза в пол-лица... Дуги бровей того же оттенка, что и волосы, и точно такие изогнутые ресницы... Дополняли образ огромные снежно-белые с искоркой крылья, распахнутые за спиной, и серебряный узор на левом плече.

Она легко оттолкнулась от скалы, взмыв в ясное лазурное небо и, подставив лицо воздушным потокам, закрыла глаза, вдыхая стуженый воздух.

Удивительно... удивительно, как точно отображает мир вокруг ее настроение. Всегда на малейшее изменение душевного состояния откликается стихия... меняется даже оттенок небес.

Почему так? Отчего настроение Ангелов напрямую связано с гармонией мира?

«Мы – Проводники высшей Мудрости, мы создаем наш мир. Каждый – свой...» – вспомнилось ей. Да, так принято считать. И, как ей все чаще приходило в голову, последняя фраза наиболее справедлива. «...Каждый – свой...». Ей не заглянуть в чужой мир, так же как и ее Вселенную не суждено никому увидеть... Только вот зачем нужна **такая** мудрость? И кому она нужна?

Подобные идеи считались кощунственными... хотя ей это было почти безразлично.

-Асса! – вдруг пронесся над молчаливой округой чей-то низкий густой голос.

Асса вздрогнула, мыслями она все еще находилась не здесь... Тряхнула роскошными локонами, порывисто обернулась, и зеленоватые глаза вопросительно взглянули на миловидного златокудрого юношу, облаченного в легкий полупрозрачный наряд.

Через пару мгновений она окончательно пришла в себя и, выпрямившись, слегка улыбнулась. Общество Манна было ей приятно, хотя Асса и предпочла бы сейчас одиночество. Ведь именно в надежде побыть тет-а-тет с собственными мыслями она поднялась в такую высь, и теперь парила над пиками самых высоких скал. Хотелось разобраться в себе... Пожалуй, любого другого Ангела Асса постаралась бы вежливо прогнать.

-Тебе нравятся сумерки? – спросил он, чуть склонив голову в приветственном кивке. Асса вскинула брови.

-В моем мире нет сумерек. Когда во Вселенной Ангела наступают сумерки – это плохой признак. Очень плохой, – хмуро заметила она, помолчав. Манн равнодушно пожал плечами и, запрокинув голову, безмятежно улыбнулся. Золотистые кудри взметнулись от порыва ветра, серебристо-серые крылья чуть подрагивали, позволяя удерживать равновесие.

Асса с тревогой смотрела на него.

-Послушай... – осторожно произнесла она, тщательно подбирая слова. Разговаривая с Манном, следовало продумывать каждую фразу, слишком уж взрывной у него был характер... – Если в твоём мире действительно сумерки, это значит...

-Это ничего не значит! – Манн сердито выпрямился, синие глаза сузились и приобрели серо-стальной оттенок.

-Но... – Асса растерянно умолкла, опасаясь вызвать новую волну раздражения. И почему практически все их встречи заканчиваются одинаково? Собравшись с мыслями, она неуверенно продолжила: – А тебя... не клонит в сон?

Она знала, что бездна беспроглядной черноты подступает незаметно... влечет... и сначала тебя охватит легкая сонливость... желание раствориться в небытии...

-Что ж, этого следовало ожидать, – холодно сказал он, отвернувшись. – Не понимаю, почему ты считаешь, будто вправе указывать мне, как жить.

-Я вовсе не... – попыталась возразить Асса, однако Манн, еще шире распахнув великолепные крылья, резковато прервал ее:

-Да, да, не отрицай! Каждый раз ты стараешься навязать мне свое мнение. Я САМ знаю, что и зачем делать. Это понятно?

У нее задрожали губы. Хотелось сказать очень многое, но возникший в горле горький ком буквально душил, не давая произнести ни слова. Асса лишь судорожно вздохнула и отчаянно замотала головой, однако понять, что означает это движение, было невозможно...

Манн презрительно хмыкнул и, плавно развернувшись, взметнулся в холодное небо, не произнеся больше ни слова. Глотая слезы, Асса следила за ним, не зная, что можно предпринять. Рвануть следом? Умолять? Поссориться? Но разве это даст хоть какой-нибудь результат?

Асса плакала. Слезы застилали ей глаза, и она уже с трудом различала сквозь их пелену меркнувшую среди скалистых вершин фигуру...

Моей щеки нежно коснулось что-то очень легкое, словно перышко... Я улыбнулся сквозь полудрему и чуть разжевил веки, в глаза мне ударил яркий свет.

Перышко скользнуло к уху, скатилось по шее... Я лениво открыл глаза и сладко, с хрустом потянулся.

-Доброе утро, повелитель, - поздоровалось со мной мое «перышко». Эстер...

-Доброе утро, колдунья, - я широко улыбнулся и привлек девушку к себе. - Приятно просыпаться от поцелуев такой красавицы как ты!

Черные миндалевидные глаза сверкнули, и Эстер прильнула к моим губам.

Господи, вот это девушка! Честное слово, ее страстность и бешеный темперамент порою пугали, хотя именно эти качества привлекли меня в ней в первую очередь. Помимо внешней привлекательности, разумеется.

Эстер немного отстранилась и провела рукой по моим волосам. Я перехватил ее руку и нежно поцеловал кончики пальцев.

-Я люблю тебя, - прошептал я, с удовольствием разглядывая Эстер.

Красива. Безусловно, красива. Чувственные темно-вишневые губы, точеный нос, выразительные глаза, обрамленные изогнутыми смоляными ресницами, густые иссиня-черные кудри, ниспадающие на выпуклый лоб и округлые плечи... И, что влекло меня в ней больше всего, - практически идеальное гибкое тело.

Обидно, что я не мог жениться на ней... Что ж, герцогская участь в некоторых аспектах незавидна - мне пришлось стать супругом этой абсолютно неинтересной, асексуальной женщины, совершенно чужой для меня - графини Аниэль де Моссиан. Древний род...

-Иди в ванную первой, - приказал я, вздохнув. Девушка хмуро кивнула, как будто сумела прочесть мои мысли, вымученно улыбнулась и выскользнула из-под шелкового одеяла. Нисколько не смущаясь, она прошла к резной деревянной двери в дальнем конце покоев, мягко ступая по дороговому пушистому ковру.

Оставшись в одиночестве, я устало закрыл глаза. Голова раскалывалась, в висках пульсировала боль, и еще меня охватила странная тревога. Что-то должно произойти...

Внезапно я ощутил легкую дурноту, а боль в висках стала просто нестерпимой. Я поморщился и открыл глаза, однако вместо привычного узора на потолке мне почудился бесконечно длинный коридор... туннель, охваченный серебристым мерцанием, исходящим, как мне показалось, от зеркал...

Резко сев в постели, я отчаянно затряс головой. Что со мной происходит? Я, будучи человеком рациональным и прагматичным, весьма настороженно относился ко всякого рода видениям...

Что ж, самое лучшее сейчас - поскорее заняться повседневными делами.

3.

Асса сидела на краю утеса, скукожившись от промозглого ветра, и рассеянно наблюдала за стайкой проворных птиц.

Холодно. И еще облака... Что бы это значило?

Она прислушалась к себе. Может, и ее саму клонит в сон? Как Манна... На душе, во всяком случае, пасмурно.

О, Великая Гармония, дай сил забыть те страшные мучительные мгновения! Теперь воспоминания постоянно преследуют ее, и стоит закрыть глаза - возникает образ Манна, с отчаянной мольбой тянущего к ней руки.

Он возник в небе, когда Асса сидела на коленях у горного озера и, склонившись, плескала себе в лицо ледяную воду. Холод помогал прийти в себя.

Ее внимание привлек неожиданный порыв ветра. Вкинув голову, Асса увидела Манна, стремительно летящего к ней. Улыбка замерла на ее губах: движения

Манна казались неловкими, словно что-то мешало ему двигаться с привычной грациозностью. Мгновение – и он обессилено рухнул у озера, в нескольких метрах от Ассы. Упершись руками в острые камни, Манн закашлялся.

-Что произошло?! – в страхе воскликнула она, порывисто поднимаясь и одним легким движением перемещаясь к Манну. Он поднял голову, и Асса невольно поежилась – в темно-синих глазах не было ничего, лишь пустота и холод.

-Да что случилось?! – в отчаянии повторила она, взяв его ладонь в свою.

Манн пробормотал что-то едва слышно, говорить громче и отчетливее было явно выше его сил. Асса прижала его холодные (странно холодные!) пальцы к своим губам, ласково поцеловала и, будто это послужило сигналом, Манн вдруг потянулся к ней, припав лбом к ее плечу.

-Тебе плохо? – в ужасе шептала Асса, перебирая его волосы, утратившие искристый блеск – казалось, золотые пряди покрыла паутина. Манн отчаянно замотал головой.

-Нет... - наконец через силу выдохнул он. – Что-то... давит...

Асса судорожно вздохнула. Она знала, что происходит, но помочь, конечно, не могла – это было не в ее власти.

Тело Ангела напряглось, на мгновение он выпрямился как струна, глаза стали ярко-синими, а взгляд их – почти осмысленным. Манн силился что-то сказать, его губы дрогнули, однако Асса не разобрала слов, и он, сделав еще один судорожный вдох, обмяк в ее руках.

Асса выпрямилась, не отрывая хмурого взгляда от все той же стайки птиц.

-Мы Ангелы. Мы рождены, чтобы служить Гармонии... - прошептала она. Ее била дрожь – наверно, от холода, а может быть, виной тому было размытое чувство беспокойства. Асса провела рукой по камню, словно лаская, и тихо добавила: - Хотя порою мне кажется, что мы все это выдумали, и вовсе не Гармонии мы служим. Мы – изгнанники... Изгнанники.

4.

Усевшись на свое место во главе стола, я перехватил взгляд Эстер и мимолетно улыбнулся. Не стоит привлекать внимание к нашим особенным отношениям, хотя в них и нет ничего предосудительного. Мне по положению требуется как минимум одна фаворитка.

Украдкой вздохнув, я оглядел присутствующих: моя дорогая супруга, несколько ее близких друзей, наши многочисленные дальние родственники (седьмая вода на киселе)... И все ждут меня, я должен первым подать сигнал к началу обеда. Никому не нужные церемонии...

В столовой было довольно душно, к тому же, мне очень мешал накрахмаленный воротник блузы, и я в который раз подсадовал на сотни правил этикета, принятые в моем окружении. Невольно вспомнились два дня, проведенные с Эстер на океанском берегу, в одном из моих загородных коттеджей. Тогда я спускался к завтраку в банном халате, а Эстер – в легком полупрозрачном пеньюаре. Вокруг не было ни души, кроме нас двоих... ну, и еще нескольких самых верных слуг.

Сейчас же Эстер облачилась в длинное, хотя и довольно открытое платье из блестящей бирюзовой ткани, в ушах поблескивали жемчужинки, и нить точно такого жемчуга несколько раз обвивала изящную шею. На мой взгляд, Эстер затмевала всех присутствующих здесь женщин, хотя, быть может, я несколько необъективен? Ведь я все-таки немного влюблен в мою Эстер. Совсем чуть-чуть...

Впрочем, и остальные дамы нарядились, следуя, очевидно, принципу – ярче, богаче, причудливее... Даже моя супруга попыталась прибавить себе привлекательности с помощью драгоценностей и дорогой одежды. Увы, безрезультатно...

Пора приступать к еде, иначе мои домочадцы умрут от голода. Что же нам предлагают в качестве завтрака?

Гренки, омлет с сыром и ветчиной, паштет, оладьи с медом, какое-то рыбное блюдо, молоко, печенье, фрукты...

Я лениво потянулся к блюду с оладьями, есть не хотелось совершенно. Возможно, виной тому была утренняя беспричинная тревога или охватившее меня мрачное предчувствие... Вздохнув, я хмуро приказал:

-Сварите мне кофе. Покрепче.

...Я уже заканчивал завтракать, когда слуга подал мне длинный узкий конверт.

-Только что доставили, милорд, - поклонившись, сказал он. Я взял конверт и с недоумением взглянул на именную печать.

-Герб Вашего дома... - заметил я, обращаясь к Аниэль. Супруга, с аппетитом поглощавшая омлет, на мгновение обернула ко мне свое узкое лицо с тяжелым подбородком, маленькие невыразительные глаза равнодушно скользнули по мне. Пожав плечами, Аниэль вновь отвернулась.

-Должно быть, мой брат Роберт приглашает вас поохотиться вместе, герцог, - холодно проговорила она. Я нахмурился. Роберт? Меня? Поохотиться вместе? Ничего более странного я не слышал. Что ж, любопытно... Я распечатал конверт и торопливо просмотрел письмо, написанное мелким убористым почерком. Наверняка задиктовывал своему секретарю... У самого Роберта почерк должен быть размашистым, резким.

-Вы угадали, Аниэль, - наконец сказал я, отбросив листок дорогой розовой бумаги. - Что ж, я воспользуюсь предложением вашего братца, хотя у нас с ним не самые лучшие отношения.

-Не преувеличивайте, - неохотно возразила Аниэль. Несколько мгновений царил тишина, нарушаемая лишь звоном вилок и ложек. Все сидящие за столом старательно прислушивались к нашей «вежливой перепалке», хотя каждый делал вид, будто занят исключительно едой. Впрочем, к подобному лицемерию я привык... Мои размышления прервала Аниэль, спросив как будто через силу: - Если не секрет, герцог, кого вы возьмете с собой на охоту? Возможно, некоторые дамы тоже могут присоединиться?

-Возможно, некоторые и могут, - весело согласился я, подмигнув Эстер. - Но вы к числу некоторых не относитесь, сударыня.

И, не глядя больше на супругу, я отшвырнул салфетку и поднялся из-за стола.

5.

Как давно она не посещала Храм...

Асса парила в пространстве и, запрокинув голову, разглядывала темный потолок просторного сферического помещения. Ей казалось, стоит выпрямиться, и удерживаемые слезы все-таки прольются...

Храм...

У нее связано с ним немало воспоминаний. Здесь она познакомилась с Манном. Здесь мечтала. Сюда приходила со своими проблемами, прося совета у Высшего Источника, Абсолюта их веры.

Стыдно перед собственной совестью, что вот уже долгое, слишком долгое время она упорно игнорирует Храм. Закружила ее любовь, страсть, заставила потерять голову и поверить во взаимность.

Губы Ассы чуть дрогнули, но она лишь крепче сжала их, упрямо разглядывая округлый купол.

Да, больно разочаровываться. Стыдно возвращаться в Храм ни с чем, признавать что проиграла... И боязно выслушать приговор.

Что же такое – этот Храм? Какие силы он олицетворяет? Какую роль играет в ее жизни?

Неправильные, кощунственные вопросы, Ассы впервые задавала их ЗДЕСЬ. Задавала – и в испуге прислушивалась к себе. Ничего... Пустота и все то же размытое чувство тревоги. Не слышит ее Высший Источник, или просто не снисходит до общения.

Храм был погружен в полумрак, и свет проникал лишь в узкие полосы окон у самого купола. В пространстве изредка вспыхивали искры – когда чья-то молитва была действительно искренней.

Храм казался пустым, хотя Асса знала, что это иллюзия. На самом деле зал мог быть переполнен, просто она нуждается в уединении, а раз так – тут пусто. Для нее. Храм всегда подстраивается под тебя. Порою Ассе казалось, что он живой – еще более живой, чем все вокруг.

-Ответьте мне, Высшие Силы... – с болью прошептала Асса. – Ответьте мне. Иначе я погибну...

Тишина... Почему ты молчишь, Высший Источник? Ты должен слышать меня, не можешь не слышать! Так почему молчишь? Чем я провинилась перед Тобой? Тем, что любила? Но разве любить – это грех?

Все равно – тишина. И Ассе казалось, что это гулкое молчание насмехается над ней...

6.

Взаимная неприязнь у нас с Робертом возникла, наверное, сразу же. Я, во всяком случае, с первого взгляда ощутил глухое раздражение и еще почему-то – самодовольно-снисходительное презрение, хотя оснований для подобных чувств не было.

Они с сестрой могли считаться похожими, но если Аниэль производила впечатление дурнушки, то Роберт не был лишен некоего шарма и обаяния: порывистость движений, худое нервное лицо, живой взгляд, безукоризненный вкус, элегантность.... Роберт держался высокомерно и иронично, сразу настраивая против себя, и всем своим видом демонстрировал собственную принадлежность старинному роду...

И еще мне показалось, будто он не совсем нормален и страдает психическим расстройством – слишком переменчивым было его настроение, слишком резкими – движения, чересчур быстро он выходил из себя, багровел и запросто мог ударить даже женщину.

Впрочем, я Роберту тоже явно не понравился, и каждая наша встреча напоминала бескровную дуэль. Пока бескровную...

Вот и сегодня мне предстояло в очередной раз обмениваться с ним «любезностями».

Погода была в меру теплой, и ярко светило солнце, озаряя все вокруг красновато-золотым мерцанием, отраженным пышным покровом опадающей листвы.

Я выпрямился и с наслаждением вдохнул осенний воздух, напоенный лесными запахами. Давненько я не вырывался за пределы своего поместья...

-Не жалеете, что приняли мое предложение, герцог? – раздался как всегда насмешливый и при этом холодноватый голос Роберта де Монссиан. Я обернулся. Брат моей супруги стоял, чуть откинув голову, темно-русые волосы красивой волной огибали его высокий лоб, черный костюм для верховой езды подчеркивал поджарость фигуры.

-Я никогда не жалею о том, что совершено, граф, – как можно равнодушнее отозвался я и отвернулся. Эстер, грациозно сидящая на породистой лошади,

ободряюще улыбнулась мне. Роскошная девушка... Как она умудряется всегда, при любых обстоятельствах оставаться столь привлекательной?

-Как поживает моя сестра? - снова прервал мои размышления Роберт. Я раздраженно пожал плечами.

-Об этом Вам лучше спросить у нее, граф.

-Спрошу, - сквозь зубы пообещал он.

X X X

-Ваша дама устала, герцог, - заметил Роберт через некоторое время. Я оглянулся на Эстер. Да, действительно...

-Здесь, в паре минут езды, расположен мой охотничий домик, - продолжал он, не глядя в мою сторону, словно разговаривал сам с собой. - Он вполне приспособлен для кратковременного отдыха. Слуги разогреют обед и приготовят напитки, если пожелаете.

Я колебался. Сам я, конечно же, не испытывал никакой усталости, охота, особенно удачная, всегда увлекала меня, вызывая азартное нетерпение. Однако Эстер, кажется, действительно утомлена.

-Охота оказалась удачной, мы не зря потратили время, - добавил Роберт, и в его голосе мне почудилась издевка. Я насторожился.

-Послушайте, граф, вы ведь, насколько я знаю, презираете охоту, считаете ее бессмысленным занятием... - сколь мог небрежно проронил я. Он нахмурился и недовольно сказал:

-Если подумать, все занятия абсолютно бессмысленны. Охота не лучше и не хуже.

Я хмыкнул и, решив не вступать в спор, обернулся к Эстер.

-Ну, как, сударыня, принимаете ли вы приглашение графа?

Я все-таки надеялся, что она откажется. Хотя бы ради меня - ведь знает же, что я не переносу брата моей «любимой» супруги. Однако Эстер виновато потупилась и смущенно проговорила:

-Если честно... Я была бы благодарна, милорд, прими вы приглашение графа...

Что ж, мне оставалось лишь смириться.

X X X

Охотничий домик действительно находился в нескольких минутах езды, и представлял собой небольшое двухэтажное строение, огороженное решетчатым забором. Внутри оказалось довольно уютно: царил таинственный полумрак, было тепло и пахло пряностями и какой-то ароматической смолой. Я невольно расслабился, тягостно давящая тревога ослабла.

Вечер мы провели изумительный. Вкусный горячий ужин, чудесное терпкое вино, жар пламени, мерное потрескивание поленьев в камине, блики огоньков свечей... И еще - залиvistый смех Эстер, ее ярко горящий взгляд, немного мрачноватые, но в то же время тонкие остроты Роберта... Да, я расслабился.

...После довольно сытного ужина мы перешли в уютную гостиную, а все охотничьи приспособления, мой дорожный плащ и накидка Эстер остались в прихожей. Извинившись, Роберт покинул нас, по его словам, «на пару минут», а я откинулся в удобном мягком кресле, расположенном напротив жарко греющего камина. Тут же, левее, стоял приземистый столик с откупоренной бутылкой белого сухого вина и двумя пустыми бокалами.

Прошло минут двадцать... Я все так же дремал в кресле и, поигрывая бокалом, рассеянно наблюдал сквозь слой искристой жидкости танец огня в камине. Рядом сидела Эстер, раскрасневшаяся, улыбающаяся, и от этого особенно привлекательная. Ее пальчики расправляли складки на моей жилете, то и дело шаловливо «забираясь» под ткань рубашки.

Я искоса посмотрела на спутницу и, кивнув в сторону окон, заметил:

-Решетки. Интересно, зачем?

Она с любопытством взглянула на окна и пожала плечами. Я отпил немного вина и блаженно вздохнул.

-Да, странный все-таки парень этот Роберт. Не смотря ни на что... - я запнулся и умолк, сонное расслабленное оцепенение мгновенно рассеялось, а беспокойство вновь кольнуло меня. Нахмурившись, я чуть приподнялся в кресле и оглянулся на дубовые двери. Странно... А где, собственно, сам хозяин? Он покинул нас вот уже минут двадцать назад. Наверно, я зря волнуюсь, вечер прошел просто чудесно, да и Роберт оказался вполне гостеприимным, и все-таки, все-таки...

Я неторопливо, пытаюсь не выказать беспокойства, поднялся из кресла и, пройдя к двери, потянул за ручку, выполненную в форме волчьей головы. Никакого результата...

-Бред... - пробормотал я в растерянности. Тревога усилилась.

-Что случилось? - взволнованно спросила Эстер, ее широко расставленные черные глаза удивленно следили за мной.

Когда Роберт умудрился запереть нас? И, главное, зачем? Да и вообще как я мог позволить себе расслабиться в доме человека, которого сам же считаю психически неуравновешенным?! Да еще оказаться запертым безоружным!

-Герцог, что происходит? - повторила Эстер, в ее голосе появился страх. Кажется, она уловила мою собственную тревогу.

Не ответив, я снова изо всех сил дернул за ручку. Да что же все-таки происходит?! Что задумал этот ненормальный?!

Закусив губу, я некоторое время молча изучал дверь, словно намеревался отпереть ее взглядом, хотя на самом деле лишь приводил в порядок собственные эмоции и мысли. Страшно... Страшно иметь дело с таким человеком, как Роберт.

Я пересек комнату и коснулся решеток на окнах.

-Крепко сделано, герцог. Специально для таких случаев, - донесся вдруг до меня насмешливый голос. На мгновение я замер, тяжело дыша. Так... Понятно.

-Для каких - таких? - неторопливо обернувшись, спросил я как можно равнодушнее. Меня охватил страх, даже паника, и больше всего я боялся, что Эстер распознает эти чувства в моем голосе или взгляде. А потому изо всех сил пытался казаться спокойным, хотя чувствовал, как по вискам стекают капельки пота, да и сердце билось чересчур громко.

В дальнем углу погруженной в сумрак комнаты стоял Роберт. Тень падала ему на лицо, черный костюм тонко очерчивал силуэт, а волосы приобрели красноватый оттенок... На мгновение мне показалось, будто само Воплощение Зла поднялось из бездн мира, и объектом своей ненависти сделало отчего-то меня.

-Альберт! - вдруг истерически выкрикнула Эстер, впервые назвав меня всего лишь по имени. Я бросил на нее короткий взгляд, опасаясь надолго выпускать Роберта из поля зрения. Девушка забралась с ногами на кресло, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотник, и в ее широко распахнутых глазах сквозил нескрываемый ужас. - Альберт, у него ружье!

Да, действительно...

Как ни странно, я ощутил даже что-то сродни облегчению. Теперь все стало на свои места: я безоружен и заперт в одной комнате с безумцем, наверняка решившим убить меня. Это гарантированная смерть.

Роберт криво улыбнулся и щелкнул затвором. Эстер отчаянно вскрикнула.

-Да, ты глуп, Альберт, - презрительно заметил он, даже не взглянув на девушку. - Ты - животное. Ты никогда не задумывался, чем отличаешься от зверей, который с таким азартом истребляешь?

Я молчал, пытаюсь выровнять дыхание. С сумасшедшими спорить нельзя. Пусть говорит. Думай, Альберт, думай!

-Ничем не отличаешься, братец! – продолжал Роберт, чуть повысив голос, и взгляд его при этом стал абсолютно безумным, – Твой круг интересов включает в себя лишь разнообразные удовольствия. Удовлетворение инстинктов. Ты не развился до уровня человека.

-Ну, не развился, и что же? – не выдержал я. – Тебе-то что за дело?

Темно-карие глаза Роберта нехорошо блеснули. Он шагнул вперед, на губах зазмеилась тонкая насмешливая улыбка.

-А я не хочу, чтобы моя сестра жила с животным, – слишком спокойно пояснил он, поднимая ружье. – И я убью тебя – просто застрелю.

На мгновение мне показалось, что я сплю. Это просто сон, обыкновенный кошмар... Не может быть, чтобы сейчас, в это вот мгновение, я смотрел в лицо своей Смерти.

Как страшно умирать...

Сразу вспомнились самые нелицеприятные из моих поступков, мысли судорожно цеплялись друг за друга. Что мне простится на том свете? И есть ли он, тот свет? Возможно, еще секунда – и меня не станет? Исчезнет мир, умрет Вселенная... Для меня.

Сердце замерло где-то в горле, мешая дышать, перекрывая доступ воздуху. Мне казалось, я умру именно от недостатка кислорода, слишком долго тянется это последнее мгновение...

Что-то еще я забыл. Что-то очень важное. Что-то, что я обязан сделать, прежде чем позволю себя убить.

Эстер!

Я повернул голову. Девушка сидела, выпрямившись как струна, напряженная и испуганная. Грудь ее тяжело вздымалась, по щекам стекали слезы, размазывая нанесенный грим. Даже сейчас Эстер удивительно красива... Я с трудом, через силу улыбнулся ей. Пусть думает, будто я спокоен. Пускай верит, что всемогущий герцог сумеет что-нибудь предпринять.

-Альберт! – вскрикнула она и вдруг, порывисто поднявшись с кресла, кинулась к окну. Роберт дернулся, оборачиваясь, однако Эстер успела пересечь комнату, и теперь, прижавшись ко мне, судорожно всхлипывала.

-Я люблю тебя, Альберт... - прошептала она, глядя на меня снизу вверх.

-Девочка моя... - мой голос дрогнул. Я пытался ответить, но не мог: не было сил, да и слова показались вдруг какими-то бессмысленными. Я лишь крепче обнял девушку, и она уткнулась лицом мне в плечо. Поцеловав ее в макушку, я в последний раз вдохнул слабый ванильный аромат, исходящий от темных волнистых волос. В последний раз... Что же будет с тобой, девочка моя, когда меня убьют? И что лучше для тебя – погибнуть сейчас тоже или остаться наедине с сумасшедшим?

Я поднял голову и насмешливо взглянул на Роберта.

-Ну, что ж, философ, я готов, – сказал я абсолютно искренне. – Только вот знаешь... Вряд ли животные способны любить.

Роберт откинул голову и направил дуло ружья на меня.

-А ты и не способен! – зло выдохнул он, нажимая на курок.

Вот он, последний миг. Я пытался запечатлеть его в своей памяти, чтобы унести с собой в ад или рай, оставить себе хоть что-нибудь из череды бесцельно прожитых тридцати с лишним лет...

Мне показалось или комната качнулась? Краски меркли, словно кто-то тушил одну за другой свечи, Эстер таяла в моих объятиях, рассеиваясь подобно туману. Остался лишь я – и Роберт.

Роберт? Разве это – Роберт?

Незнакомец иронично улыбнулся мне.

-Ну, что? Идешь со мной? Или еще не сдался? – голос звучит глухо, ниоткуда и отовсюду одновременно, а взгляд говорящего... странно пустой... Я начал тонуть в его абсолютно черных глазах, меня словно затягивало в бездну пропасти...

-Я умер? – попытался выговорить я. Он засмеялся.

-Иди. Если хочешь – иди!

-Кто ты?! – закричал я, но незнакомец тоже исчез, темнота...

Мгновение – и передо мной возник коридор, озаренный сиянием зеркал.

Именно его я видел в утреннем видении.

Я шагнул вперед.

7.

Ты не рождаешься и не умираешь. Ты просто живешь, жил и будешь жить – всегда.

И поэтому особенно пугает мысль о зияющей пред тобою пропасти, черной бездне Небытия, где нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего... Да, сейчас ты есть – и для тебя теперешнего не существует «вчера, сегодня и завтра». Только «сейчас». Однако стоит забыться, сделать хоть один неверный шаг – и ты сорвешься вниз, и лишь чудо способно будет дать крылья, которые вновь поднимут тебя.

Вот и ты оступился, Манн... И, кажется, вскоре я сорвусь точно так же.

Темнеет. Холодно. Гаснут звезды. Меркнет моя вселенная. А это плохой признак.

Асса сидела на влажном валуне, опустив ступни в ледяное озеро, покрывшееся неровной рябью. У кромки воды лежал на спине Манн, и голова его покоилась на коленях среброкудрого Ангела в женском обличье. Темно-синие, сейчас кажущиеся почти серыми, глаза Манна были широко распахнуты, но при этом абсолютно пусты, их взгляд не выражал ничего.

Асса поежилась и хмуро посмотрела на пики далеких скал. Мир окутали сумерки, и не призрачно-волшебное зарево, а серый, жидкий туман... Плохо. Очень плохо.

Мы, Ангелы, вечны, мы не помним рождения и не знаем смерти. Мы просто живем, и самим своим существованием создаем гармонию. И этот мир вокруг – отображение нас самих. То единственное, что каждый из нас способен дать...

И если в твоей собственной Вселенной гаснут звезды, идет дождь, пасмурно... Это плохо. Плохо, когда во Вселенную Ангела приходит Ночь.

Почему так происходит? В какой момент день становится вечером? Наверное, меняется что-то в нас самих, возможно, мы теряем способность привносить гармонию, и погружаемся в транс – первый шаг к той пресловутой бездонной пропасти. Вечному падению в Ничто...

Некоторым удается вырваться, и порою даже ПЕРЕЙТИ ГРАНЬ – уйти из ЭТОГО мира в ДРУГОЙ. Что там, ЗА ГРАНЬЮ, не знает никто, однако почему-то каждый стремится перейти эту незримую ГРАНЬ. Жить вечно трудно, а согласиться на бесконечное падение – жутко.

А если вырваться не удастся – ты сорвешься и исчезнешь. Тебя просто не станет, и окажется, что тебя и не было никогда – ты не рождался, не жил, а значит, не умирал. Таковы правила нашей вселенной. Ты станешь миражом, иллюзией... О тебе забудут – даже я забуду, Манн. Мне придется.

Асса гладила волосы Манна и плакала. Сумерки сгущались.

X X X

Эстафель представлялась ей пышнотелой, но в то же время изящной золотокожей девушкой с непослушной копной вьющихся красно-рыжих волос и миндалевидными зелеными глазами.

Устроившись на гладком продолговатом камне, она откинулась чуть назад, опершись ладонями о неровную поверхность скалы. Отбросив упавший на глаза локон, Эстафель задумчиво произнесла:

- Жаль, что этого никто не видит... кроме меня.

Асса сидела, скукожившись, уткнувшись подбородком в колени, и равнодушно смотрела куда-то за горизонт. Уже почти совсем стемнело, черное мутное небо тяжелой мрачной громадой нависало над миром, а звезд все не было...

Не оборачиваясь, она без особого интереса спросила:

- Чего не видит?

- Ну... - Эстафель на миг задумалась, обвела окружающее рукой. - Все это. Этот мир. Никто ведь не знает, как **я** его вижу.

Асса вздохнула, пожимая плечами. Да уж, кого что волнует... Однако молчание явно тяготило Эстафель, и пришлось неохотно отвечать:

- Ну, почему... Ведь зачем-то мы живем...

- Вносим Гармонию во Вселенную, - привычно повторила Эстафель заученную фразу. Асса кивнула, упрямо не отводя взгляда от серо-стальной линии гор:

- Да. И наши миры - отображение той Гармонии, которую мы способны привнести в мир. Быть может, кому-то они и нужны.

Эстафель хмыкнула, но спорить не стала. Наклонившись, она провела рукой по каменной поверхности склона, словно пробуя на ощупь.

- Как ты это видишь? - требовательно обратилась она к Ассе. Последняя наконец-то оторвалась от созерцания горизонта и взглянула на Эстафель.

- Серый склон. Камень. Просто камень, - отрывисто произнесла она и снова отвернулась. Сейчас ее все раздражало, хотелось остаться одной, закрыть глаза и погрузиться сладкую дрему. Уснуть... Ангелы никогда не спят, но ей уже все равно. Спать, спать, пусть даже нырнуть в ту бездонную пропасть...

Однако Эстафель не умолкала, продолжая весело болтать:

- Нет, в моем мире серый цвет практически отсутствует... Это все, - она обвела рукой скалу, на которой они расположились, - темно-красное, почти бордовое. И на ощупь мягкое, влажное... Недавно прошел дождь.

- Прогонел дождь... - эхом откликнулась Асса в ответ на собственные мысли.

- Да, мне было очень грустно...

Эстафель продолжала говорить, но Асса ее не слышала. Распрямившись, она с изумлением прислушалась к себе, пораженная неожиданной догадкой.

Прошел дождь...

*Почему некоторые, как Манн, вдруг **уходят**? Куда они уходят? Почему?*

Может быть, наступает момент, когда Вселенная просто не способна вместить весь мир, созданный тобой, живущий в тебе? Он рвется наружу, однако для него нет места в этой Вселенной, - и ты соскальзываешь в другую ее плоскость...

Только вот зачем потом возвращаться обратно?

Кто мы такие? Что делаем в этом мире?

- Кто мы такие? - повторила вслух Асса. Эстафель, прерванная на полуслове, недоуменно вскинула брови:

- Станный вопрос!

- Нет, не странный! - возбужденно возразила Асса, оборачиваясь к подруге. - КТО мы такие? ЗАЧЕМ мы здесь?

- Чтобы нести гармонию... - пролепетала Эстафель, испуганная таким внезапным напором.

- О, нет! - неестественно громко рассмеялась Асса, обычно бледные щеки покраснелись, во взгляде заплескали искорки. Подавшись к Эстафель, она схватила ее за локоть и продолжила: - Полагаешь, мы присланы нести гармонию? Кому, Эстафель, кому?! Ты права, подруга, мы ведь не можем заглянуть в чужой мир, мы видим лишь свой собственный! Как думаешь, почему?

Эстафель растерянно молчала, даже не пытаясь высвободить собственную руку из цепких пальцев собеседницы. Асса, не дождавшись ответа, пожала плечами и, разом как-то погаснув, с горечью произнесла:

- Да мы просто сосланы сюда!

- Сосланы? - захопала ярко-золотыми ресницами Эстафель и нервно рассмеялась. - Кем?

- Полагаю, тем Божеством, которому поклоняемся, - иронично предположила Асса. - Мы - не просто Ангелы. Мы **Падшие** Ангелы. Такая вот Вселенная Падших Ангелов...

- Какие падшие ангелы?! - чуть ли не плача, воскликнула Эстафель. - Ничего не понимаю!

- На самом деле все просто, - жестко проговорила Асса. - Мы - никто. Просто... как объяснить? Представь себе некое абстрактное Сверхсущество. Мы привыкли идеализировать нашего бога, а ты попытайся отрешиться от этой идеи. Чем может оказаться наша вселенная для Того, кого мы привыкли считать божеством? Да просто затаенным уголком души, где таятся какие-то неразрешенные проблемы, вопросы без ответов, возможно, даже болезненные воспоминания... Поэтому мы так страстно хотим ПЕРЕЙТИ ГРАНЬ. Вернуться. Но тебя отпустят лишь в одном случае - если ты ответишь на вопрос, поставленный свыше, решишь свою проблему.

Асса умолкла, тяжело дыша, длинная тирада утомила ее. Что ж, хватит Эстафель и этого. Большого она не скажет, не признается, что один из самых дорогих для нее друзей как раз балансирует на краю пропасти, мучительно отыскивая ответ на пресловутый заданный Свыше вопрос...

«Держись, Манн, держись... - беззвучно прошептала Асса. - Я не знаю, в какие дебри собственных проблем тебя забросило, но... возвращайся. Пожалуйста. Ты сумеешь, ты сильный. Я буду ждать тебя. А потом расскажу обо всем, что поняла, и может быть, ты даже согласишься со мной».

Она подняла голову, сощурилась.

Небо все еще оставалось угольно-черным, и ветер безжалостно трепал волосы, однако линия скал у горизонта осветилась перламутровым заревом рассвета...

8.

Кажется, этот путь бесконечен.

Я иду, иду уже долго, однако конца все нет... Но я не устал, да и применимо ли понятие усталости **здесь?** (хотя где это - **здесь?**)

Мне было страшно, по-настоящему страшно. Казалось, каждый мой шаг стирает часть прошлого, меняет что-то в самой структуре моей личности. Каждый шаг - это новое зеркало.

В первое я заглянул с любопытством. Заглянул, ожидая увидеть собственное отражение, - и обомлел.

Лес. Деревья, сумрак, сырость... Ветра почти нет, и пахнет хвоей... Все это я не просто видел - нет, я это **чувствовал**.

У меня возникло странное ощущение, будто какая-то часть меня находится там, в этом лесу. И именно тот «я» сейчас вдыхаю аромат хвои, всматриваюсь в кусочек неба в просвете между верхушками деревьев... Мне сделалось жутко, и я поспешно отошел от странного окна в другой мир.

Вначале я пытался не заглядывать в зеркала, проходить мимо. Однако что-то незримое безжалостно увлекало меня за собой, заставляло смотреть...

В каждом зеркале отражался свой мир, а иногда я видел людей. И, что пугало меня, я чувствовал себя этими людьми, каждым из них. Знал их мысли, эмоции... Был частицей мира за гранью зеркала.

«Что со мной происходит?!» - в отчаянии подумал я, вглядываясь в бесконечный туннель. Мне кажется, или там, вдали, действительно свет?

...Зеркала продолжали мелькать. Мир, еще один мир... Во мне что-то менялось, словно я вбирал в себя мысли и эмоции других людей, впитывал атмосферу незнакомых лесов, городов, деревень...

Кто эти люди, там, за гранью зеркал?

Я не ждал, что мне ответят, но мне ответили.

«Это ты» - казалось, произнесло самое пространство голосом незнакомца, втолкнувшего меня в этот бездонный туннель.

Я вздрогнул и оглянулся. Лишь серебристое мерцание зеркал... Неужели я говорю с ними?

«Ты где?!» - решился спросить я, и мой голос зазвучал отовсюду.

«А разве это важно?» - раздалось насмешливое, и зеркала словно подмигнули мне. Я судорожно вздохнул.

«Кто ты?»

Гулкий смех, и через мгновение - язвительный ответ:

«Смерть. Ничто. Пустота»

«Я умер?» - похолодел я. Впрочем, подобная мысль меня не удивила.

«Что такое смерть, если ты способен думать, помнить, сознавать?»

«Куда все подевалось? - требовательно спросил я, пытаюсь прийти в себя. Зеркала ускорили свой бег, свет в конце туннеля приближался, и я невольно приободрился, почувствовав себя увереннее. - Где Роберт, Эстер?»

Снова этот жуткий смех...

«Тот мир тебе уже не нужен. Выбери себе другой»

«Мне нужна Эстер! - храбро возразил я. - Где она?»

«Ее нет. И не было никогда»

Не было никогда? Я ошеломленно молчал, силясь проникнуть в смысл странного заявления. Как это - не было никогда?

«Нет и не было. Ни Эстер, ни Роберта, ни мира вокруг. Да и герцога Альберта - тоже нет»

«Я не понимаю! - закричал я, словно пытаюсь криком снять напряжение. - Они ведь были, были!»

Молчание.

«Что там, в этих зеркалах?» - предпринял я новую попытку. На этот раз ответ последовал.

«Ты. Зеркало способно лишь отражать тебя самого, разве нет?»

«Нет! Я - вот он, стою перед тобой, где бы ты ни был...»

Тихий смешок...

«Вот именно - где бы я ни был... В это самое мгновение ты бредешь по пустыне, слушаешь стрекот насекомых в лесу, паришь птицей в небе. Ты ведь на самом деле даже не живешь - так, перебираешь воспоминания, перерабатываешь информацию, полученную некогда ранее»

Мне казалось, я схожу с ума. Перерабатываю информацию?

«Да, - согласились с моими мыслями зеркала. - Перерабатываешь информацию. Перебираешь воспоминания. Решаешь какие-то свои внутренние проблемы. Названий можно придумать множество»

«У меня нет никаких проблем!»

И опять - смех...

«Разве? А что ты видишь в зеркалах?»

Я с недоумением заглянул в очередное зеркало. Вот эта пустыня - проблема? Разве может такое быть?

«Шагни туда и узнаешь» - предложили мне.

Я колебался. Мелькание зеркал меня изрядно утомило, однако свет в конце туннеля... Я хотел туда добраться.

«А что произойдет, если я шагну в эту пустыню?»

Казалось, неведомый собеседник равнодушно пожал плечами.

«Не знаю. Возможно, станешь ветром... Песчинкой... Или одиноким странником»
Песчинкой? Как человек может стать песчинкой?

«Может, - рассмеялось пространство. - Ты - НИКТО. Тебе лишь **кажется**, что ты живешь, осознаешь, думаешь... Ты - частица Его мысли, мимолетное воспоминание»

«Чьей мысли? Кого - ЕГО?» - настороженно произнес я.

«Смотри» - предложили мне, однако спросить, на что именно я должен смотреть, я не успел.

Туннель наконец-то закончился, и серебряное сияние зеркал стало приглушеннее. Теперь я стоял (парил?) перед огромной аркой, выполненной из гладкого кремowego камня. Проход был овеян золотистым туманом, и я не сразу сумел рассмотреть, что же находится там, за границей ласкового мерцания.

Через мгновение золотистая дымка начала рассеиваться, и я увидел... очередное зеркало? Нет, на этот раз все казалось куда более **НАСТОЯЩИМ, РЕАЛЬНЫМ**. И еще - от мира, раскинувшегося за аркой, веяло Мощью.

Скалы, холодное голубое небо, звезды... На краю обрыва, свесив ноги в пропасть, сидит удивительная, красивая неземной красотой девушка...

Я стоял у арки, смотрел, вдыхал напоенный солоноватой горечью воздух (если это было воздухом), и с каждым вдохом **ВСПОМИНАЛ**. Странное это ощущение - как будто вдруг просыпаешься после жуткого кошмара и понимаешь - ты всего лишь спал. Да, сон оказался, страшным, но это было только способом твоего подсознания обработать полученную за день информацию. А вот теперь ты проснулся.

Да, да, теперь понятны все намеки и загадочные ответы! Конечно, на самом деле герцога Альберта не существует, он действительно был... даже не мыслью, скорее тенью отдаленного воспоминания, в какой-то момент времени встревожившего меня. Теперь, когда воспоминание изучено и понято, нужды в герцоге нет. Он исчез, растворился во мне, снова стал тем, кем и являлся изначально - намеком на мысль.

Теперь я помню. Я - Манн. И это мой мир, мой! Все эти зеркала с мелькающими в них мирами - они лишь отражают какие-то мои страхи, нереализованные мысли, неприятные воспоминания... А мир за аркой - мой. Мой... И девушка, одиноко сидящая на скале, мне хорошо знакома.

Я с улыбкой шагнул вперед, и это же самое мгновение проход вновь заволкло туманом.

Я нахмурился, останавливаясь. Что происходит? Я просто хочу вернуться!

«Одного желанья мало! - насмешливо сказал умолкший было голос. - Сначала придется уничтожить все зеркала. Одно из них ты разбил, но ведь ты видишь, сколько их!»

Я резко обернулся, меня охватила ярость. Это герцог Альберт мог бояться, Ангелам страх неведом!

«Зачем ты преследуешь меня?»

Серебряный коридор зеркал иронично подмигнул.

«Ну... считай, что я так развлекаюсь. Смерть порою тоже скучает. Я жду, когда ты сдашься. Когда очередное зеркало поставит тебя в такие условия, что ты **САМ** придешь ко мне»

«Зря ждешь» - зло рассмеялся я и шагнул обратно в коридор. Мерцание вновь стало невыносимым.

Итак, какое зеркало выбрать?

Пустыню? И стать песчинкой? Но ведь все равно когда-нибудь придется...

А может быть, войти в этот мир? Он кажется довольно безобидным...

Я заглянул в соседнее зеркало и нахмурился. Пожар. Лес охвачен огнем. Вряд ли меня ждет здесь что-нибудь хорошее, однако стоит ли оставлять самое трудное напоследок? Может быть, лучше сразу, пока не угас задор?

Я закрыл глаза, вспоминая свой мир и одинокую девушку на скале. Асса... Кем была она в той моей жизни? Кем будет в новой?.. когда я вернусь... а я вернусь.

Образ Ассы подбодрил меня, и я невольно вспомнил об Эстер – тающее, теряющее реальность воспоминание... Может быть, Эстер была моим представлением об Идеальной Женщине? Кто знает... В любом случае теперь это в прошлом.

Я снова открыл глаза и попытался сосредоточиться.

Я должен вернуться. Пускай для этого придется пережить боль, потери, разлуку... Ведь все, что я вижу, есть во мне, просто придется «взбаламутить дно души», вспомнить то, о чем хотелось забыть, воскресить глубоко спрятанные страхи... Смогу ли я? Смогу.

Итак, сейчас я шагну за грань зеркала, и все забуду, временно став частью совсем другого мира. Меня будут волновать иные проблемы, а реальность сузится до каких-то рамок... Пускай. Пускай...

...Я сделал свой первый шаг...

Эпилог

Я брел по бесконечно длинному коридору зеркал, рассеянно улыбаясь своим мыслям.

Как же все-таки приятно, когда тебе попадается по-настоящему СИЛЬНЫЙ противник. В такие моменты волей-неволей вспоминаешь и о другом своем предназначении.

О том, что несешь не только СМЕРТЬ.

Избранным **Я** дарю **ВЕЧНОСТЬ**...